

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Карпов, Александр Николаевич.

К26 Автоматом и гранатой / Александр Карпов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-207200-0

Март 1944 года. Красная Армия уверенно гонит фашистов с родной земли. В авангарде наших частей — бесстрашные разведчики. Среди них молодой, но уже опытный сержант Егор Шукин. В составе группы ему поручено захватить и доставить в штаб вражеского «языка». Дело для Егора и его товарищей привычное. Однако на этот раз вылазка не задалась: на обратном пути фашисты обнаружили смельчаков и открыли по ним шквальный огонь. Командир разведгруппы погиб. Шукин получил тяжелое ранение. Но приказ есть приказ, и смерть не может стать оправданием, чтобы его не выполнить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207200-0

© Карпов А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Первая теплая мартовская ночь. Редкие снежинки плавно опускаются и сразу начинают таять, едва коснувшись ткани рукава белого маскировочного халата разведчика. Колебаний воздуха почти нет. Погода перестала меняться. Началась оттепель. Снежный настил покрылся влагой от таяния поверхностного слоя. Торчащие кое-где из него тоненькие стволы молодых деревьев и редкого кустарника едва колышутся на еле заметном и почти не чувствительном ветерке.

Приближался рассвет. Егор сдул с рукава новую снежинку и снова поднял глаза, чтобы окинуть взором ночную темноту за бруствером вражеской траншеи, занятой разведчиками около часа назад.

Изменений не было. Именно это заставляло его, опытного бойца, немного нервничать. Группа захвата ушла вперед, следуя намеченному плану и маршруту движения. Их путь

пролегал по узкому ответвлению в земляных укреплениях второй линии обороны врага на данном участке фронта. Трое крепких, рослых парней из его отделения взвода разведки отправились к предполагаемому месту нахождения офицерского блиндажа, чтобы взять в плен языка — гитлеровца повыше чином, представителя командного состава или штабного работника. Того, кто может больше знать и дать много полезной информации.

Разведчики обнаружили эту траншею почти сутки назад. А за несколько часов до того, пробираясь по склону крутого берега крохотной лесной речушки, скрытно обошли хорошо охраняемую первую линию обороны противника. Под покровом ночи они тихо и незаметно миновали посты передового охранения, проползли в глубь необъятного лесного массива. А к утру, когда позади уже было не менее километра от пройденных гитлеровских позиций, расположились для наблюдения по краю небольшой поляны, противоположную сторону которой окаймляла свежеврытая траншея второй, вспомогательной, линии обороны немцев. Это была ее окраина, спрятанная отовсюду рельефом местности и плотной лесной растительностью, что лишало атакующую сторону прямого проникновения сюда со стороны.

Завязать бой с применением тяжелой техники, станковых пулеметов на этом месте было никак нельзя. Но опытная разведовательно-диверсионная группа могла вполне проникнуть сюда при условии преодоления хорошо охраняемой передовой линии укреплений и прохода сквозь плотные лесные заросли, почти непролазные из-за наличия болот, особенно затруднявших любое передвижение в теплое время года. Бойцы взвода разведки прошли, проползли, проникли к этому месту. Нашли укромную позицию для наблюдения и вычислили нужную траншею, что вела к заветной цели и захвату так нужного особо ценного языка из числа гитлеровского офицерского состава.

С одной стороны их группу, состоящую из пяти человек, укрывал от посторонних глаз лес из вековых деревьев с толстыми стволами. С другой — они были спрятаны плотным слоем веток кустарника, росшего по краю речушки, один берег которой, судя по растительности, был заболочен, а потому непроходим. Таким образом, перед ними открывалась по фронту только поляна, вытянутая вдоль леса и окаймляемая траншеей, по которой каждый час следовала в одну или другую сторону группа охранения или пробегал вестовой.

Дважды за день разведчики фиксировали прохождение двух немецких офицеров в сопровождении пары солдат. Четырежды по ней быстро пробежал высокий фельдфебель со знаками различия связиста. И еще два раза по траншее перемещался вразвалочку плотный гитлеровец, в вытянутых вперед руках которого было нечто вроде котелков. От них шел еле заметный пар, а до укрытия разведчиков доносился едва уловимый запах свежеприготовленной горячей пищи.

Изредка где-то вдаль, в стороне передовых немецких позиций, начинали грохотать пулеметные трели с фиксированным набором очередей, что указывало на отсутствие нарушений в обстановке, на то, что опасности для гитлеровцев впереди нет. Таким образом, шло звуковое оповещение групп боевого охранения. Следом взлетели одна за другой осветительные ракеты, озарявшие передний край вражеской обороны и подступы к нему.

— Две длинные очереди, потом — короткая. Интервал полчаса. Одна длинная очередь, две короткие. Интервал сорок пять минут, — произнес лейтенант, посмотрев сначала на циферблат часов, приподняв их на свет, потом на Егора, и добавил: — Мудрено как-то у них!

— Надеюсь, что фрицы сами не запутаются в чередовании очередей! — натянуто улыбнулся в ответ разведчик.

Он прекрасно понимал, что и ему тоже придется вести отсчет пауз между дежурным общением гитлеровских пулеметчиков, чтобы безопасно уходить к своим после выполнения основной фазы поставленной боевой задачи.

Отвернувшись от командира взвода, Егор снова прильнул к просвету между стеблями редкого кустарника, из-за которых вел наблюдение за вражеской траншеей. По ней как раз снова шел вразвалочку плотный гитлеровец с котелками на вытянутых вперед руках. Минут через пять, вытирая рукавом лицо, он неспешно шагал в обратном направлении, удовлетворенно выпятив пухлые губы на краснощеком лице. Было заметно, что солдат выполнил на сегодня весь объем своей работы и собирался отдыхать, предоставляя разведчикам достаточное количество времени для выполнения задания командования.

— Жрать собрались, гады! — шепотом изголодавшегося человека протянул один из бойцов, чей черед был находиться возле Егора в наблюдении за перемещениями гитлеровцев.

— Отставить разговоры! — тихо прошипел тот в ответ, осаживая крайне вспыльчивого

и не в меру энергичного солдата, недавно прибывшего во взвод разведки из госпиталя и назначенного к нему в отделение.

Боец сжал от досады губы, но выполнил указания своего командира, замолчал и продолжил бороздить взглядом отведенный ему сектор для наблюдения, пока не пришла очередь сменить на постах его и Егора. А уже после, когда ночная темень почти что поглотила поляну, лейтенант отдал команду на выдвижение группы захвата вперед, к вражеской траншее. Путь к ней был намечен по кромке леса, чтобы со стороны не было заметно следов на снегу. Трое крепких парней в белых маскировочных халатах, с автоматами, замотанными в белую материю, проследовали ползком по указанному командиром маршруту, а потом броском проникли в немецкую траншею. Надвигающаяся темнота скрыла их действия от взгляда со стороны. Время приближалось к моменту смены постов, а потому разведчики заняли позицию для нападения на гитлеровскую патрульную группу, путь которой должен был проходить по траншее именно там, где ее ждали. Лейтенант с Егором оставались на месте и наблюдали за происходящим в готовности вмешаться, поддержать огнем и прикрыть отход.

Серые шинели, каски в белых маскировочных чехлах, стволы карабинов, накинутых на плечи, походка вразвалочку в сочетании со средним темпом движения — гитлеровцы уверенно шли к своей гибели в сторону затаившихся в засаде разведчиков. Они ничего не подозревали, а потому оставались спокойными и уверенными в себе. Секундные действия, чей-то глухой выкрик, шорох возни и мелькание чего-то белого над бруствером траншеи. Все закончилось. Патруль был вырезан, а путь к предполагаемому офицерскому блиндажу свободен. И если кто сейчас мог направиться по траншее в какую-либо сторону, то это будет либо вестовой, либо высокий фельдфебель со знаками различия связиста. Возможно, еще кто-то захочет пройти по теперь уже смертельно опасному пути, но время приема пищи истекло более часа назад. Патруль разведчики как надо уже встретили, а вычислять вероятное время появления еще каких-либо «гостей» не было возможности, потому как основная работа началась, и медлить было никак нельзя.

Кто-то из группы захвата дважды, как было условлено заранее, махнул автоматом над бруствером, давая знать о благополучном исходе первого этапа операции. Командир взвода вместе с Егором в ответ на это начали

быстро двигаться по кромке леса к траншее. Все пятеро собрались вместе. Первая тройка тяжело дышала, выпуская в воздух клубы обильного пара, разгоряченная короткой схваткой с гитлеровцами и работой ножами.

— Вперед! — тихо произнес взводный и кивнул разведчикам, указывая в сторону офицерского блиндажа.

Едва лейтенант произнес команду, как один из разведчиков, что был дальше всех в траншее, подал рукой знак об опасности. Все замерли. Воздух разрезал отдаленный, но уже четко различимый и стремительно приближающийся звук быстрых шагов с той самой стороны, откуда только что прибыли солдаты немецкого патруля, обходившие свой участок линии обороны. Полагаясь на личный опыт, которого у всех пятерых было в избытке, разведчики обмякли, понимая, что в их сторону движется только один человек. Идет расслабленно, обыденно, не чувствуя опасности.

Напряженным, сжатым в боевую пружину, из них оставался только один. Ему и предстояло встретить идущего в сторону группы разведчиков гитлеровца, выдававшего себя всплесками слякоти на сыром дне траншеи, по большей части не мощенном досками. Боец присел, обнажил острый нож, медленно

положил на землю автомат и быстро двинулся вперед, навстречу опасности, решив сработать на опережение.

Его расчет оказался верным. Пара резких глухих ударов ножом донеслась до всех остальных. Дело было сделано. Потом наступила тишина. Все в траншее замерли, вслушиваясь в нее. Через минуту разведчик, ушедший ликвидировать немца, появился и знаком дал понять о благополучном завершении действия.

— Солдат-связист с карабином, — шепотом коротко доложил он командиру взвода и добавил: — При нем ничего, пустой совершенно.

— Вестовой! — прокомментировал другой разведчик, повернувшись к лейтенанту.

— Отставить разговоры! — прошептал тот в ответ. — Работать уже начали, поздно отступать. Вперед!

Он повернулся назад, к замыкавшему цепочку разведчиков Егору и взглядом дал понять, что прямо сейчас сам будет выдвигаться немного в глубь немецкой траншеи, в ту самую сторону, откуда появился патруль, чтобы находиться там на случай прикрытия всех остальных. Боец кивнул в ответ. Намерения старшего по званию были понятны. А ему самому предстояло остаться на месте, возле тел только что уничтоженных ножами гитлеровцев и быть

готовым либо поддержать огнем группу захвата, либо взводного, смотря по обстоятельствам.

Разведчики один за другим исчезли в темноте коридора траншеи, что вела дальше, к предполагаемой заветной цели. Егор проследовал за ними и остановился через пару десятков метров именно в том месте, откуда можно было просматривать все ответвления в земляных проходах и контролировать территорию, открывавшуюся взору за бруствером, чтобы видеть обстановку вокруг. Он еще немного продвинулся вперед и замер в повороте траншеи, начав вслушиваться в тишину леса, нарушить сейчас которую должны были только действия группы захвата, целью которой было проникновение в предполагаемый блиндаж и пленение находящегося в нем офицера.

За неполных два года службы в полковой разведке Егору Щукину уже не раз приходилось исполнять роль одного из тех, кто прикрывает отход разведчиков, уносящих на себе только что захваченного языка. Такой способ был давно отработан и повсеместно использовался не только у них в полку, но и в других частях дивизии, армии, всего фронта. Ребята повыше ростом, покрепче, попроворнее, иногда пройдя в тылу ускоренный курс обучения навыкам рукопашного боя, отбирались в группы

захвата и уходили вперед. Когда этого требовала обстановка, они без шума снимали часовых, скрытно уничтожали охранение, захватывали пленного, а потом, тщательно связав его, отдавали все силы доставке того к своим укреплениям, чтобы передать командованию, как говорится, в целости и сохранности.

Те, кто ниже ростом, менее физически развит, но вынослив и быстр, отбирались в группу прикрытия. Они, как правило, шли впереди до того момента, когда наступало время жесткого физического контакта с врагом. Занимали позиции там, где это было нужно, чтобы все вокруг видеть, слышать и контролировать. Они прикрывали отход группы захвата, когда та уже брала цель и отступала с взятым «грузом», делая все возможное, чтобы доставить его к своим передовым укреплениям. И тогда наступал черед разведчиков из команды прикрытия, что путали следы и часто приносили себя в жертву, отвлекая внимание противника, если тот вовремя обнаруживал пропажу среди своего личного состава или как-либо засекал чужую разведку на своей территории.

Если не удавалось все сделать тихо и спокойно отойти с захваченным языком в распоряжение родной части до того момента, как противник обнаружит пропажу, то начиналась са-

мая опасная и порою смертельная часть работы группы прикрытия. Тогда враг пускал в ход все средства поражения. Бесконечно и с особым остервенением начинали обрабатывать свой передний край пулеметчики на передовых позициях. Разглядывали в бинокли местность наблюдатели и корректировщики огня. Били по координатам минометы. Озаряли ночное небо осветительные ракеты. Оживал весь вражеский передний край. А если обнаруживались следы, то пускалась вслед команда преследования, главной задачей которой было предотвращение отхода разведчиков с пленным, вплоть до уничтожения всей группы, а то и самой их добычи. Делалось все, чтобы пресечь успешную доставку языка.

Язык на фронте — это информатор. Из него выжмут любые сведения, которыми тот располагает. И чем выше звание и должность пленного, тем больше ценности он имеет.

Еле различимый шорох шагов позади заставил Егора обернуться. Это был лейтенант — командир его взвода. Устав ждать в коридоре немецкой траншеи, он вернулся назад, подошел вплотную и очень тихо спросил:

— Что там, товарищ сержант?

В ответ разведчик пожал плечами. Как и было условлено ранее, он ждал там, где ему

положено. Но траншея перед ними сейчас предательски молчала и тонула во мраке непроглядной ночи. Группа захвата как будто сквозь землю провалилась.

Как и другие бойцы его взвода, сержант Щукин не очень любил лишних слов от своего командира, являвшегося поборником армейских уставов и четкого соблюдения обращения между своими подчиненными. Особенно это было заметно и действовало лишним раздражителем во время выполнения боевых задач под носом у врага и на контролируемой им территории. Тут было не до уставов. Обращения типа «товарищ сержант» или «товарищ лейтенант» опускались из виду сами собой. Но командир их взвода эти обращения не опускал. Он сам выполнял и от остальных требовал соблюдения требований воинских уставов. И даже в обстановке смертельной опасности не изменял себе и своим принципам.

Егор почувствовал легкий толчок командира в плечо. Это был знак пойти и проверить обстановку. Нащупав одной рукой стену траншеи как ориентир, а в другой удерживая наготове автомат, разведчик двинулся вперед. Через пару десятков метров он заметил в почти кромешной темноте еле различимое белое пятно маскировочного халата. Это был кто-то из

своих. Боец обернулся и, заметив приближение Шукина, махнул ему рукой, подманивая к себе.

— Есть блиндаж, товарищ сержант! — очень тихо прошептал разведчик Егору. — Сейчас там гости. Шумят немного. Как уйдут, так мы через пять минут и нагрянем.

— Патруль! — так же тихо прошептал ему в ответ Егор, намекая на ограниченное количество времени на захват языка.

Солдат легко толкнул его в плечо, давая понять, что понимает намек старшего по званию.

Едва они закончили свой короткий и емкий разговор, как впереди мелькнул тусклый свет из распахнутого дверного проема блиндажа. Две тени вышли из него и, переговариваясь на немецком языке, направились по коридору траншеи в сторону, противоположную от разведчиков. Потянуло табачным дымом. Егор и его товарищ сразу облегченно выдохнули. Напряжение немного спало. Путь к цели был свободен.

— Самое время, — толкнул бойца в спину Егор, — вперед!

Разведчик неслышными шагами засеменял к вражескому блиндажу и притаившимся в складках траншеи товарищам. В темноте началось движение, заметное со стороны только мельканиями белых пятен маскировочных